

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 947.084.5

Дата поступления: 17.04.2023
рецензирования: 25.05.2023
принятия: 25.08.2023

**Коммеморация в управленческих практиках советской элиты
в 1960–1970-х гг. (на примере Пензенской области)**

О.А. Сухова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>.

Аннотация: Целью исследования является анализ практик коммеморации и мемориальной культуры в Пензенской области в 1960–1970-х гг. Рассматриваются вопросы периодизации развития мемориальной культуры и исторической политики; содержания коллективных воспоминаний; трансформации социальной рефлексии; форм и средств коммеморации. Дана оценка возможности применения методологического инструментария «новой политической истории» на региональном и локальном уровнях разработки проблемы. Отмечен высокий источниковедческий потенциал материалов личного происхождения в деле изучения коммеморативного содержания в нарративах, символах и знаках. В ходе анализа историографии проблемы выявлен плюрализм оценочных суждений относительно «инструментальности» советской исторической политики. Сделаны выводы о необходимости объективного анализа национальной специфики, в том числе и в отношении памяти о прошлом, в поиске универсального контента в структурах мемориальной культуры. Прослеживается эволюция функционала и содержания исторической политики в 1960–1970-е гг.: общим трендом процесса выступают падение интереса к символическим практикам революционной эпохи и утверждение новой «организующей» идеи как проявление социального запроса на солидарность и общую идентичность. Память о жертвах борьбы за советскую власть как инструмент легитимизации уступает место социально значимым переживаниям (память о Великой Отечественной войне) и идее восстановления единства памяти, толерантного отношения к прошлому в целом, что объединяло и имперское, и советское наследие. Фактором травмирующего порядка выступает память о Сталине. На рассматриваемый период приходится и институциональное оформление системы социально-политического взаимодействия в сфере мемориальной культуры.

Ключевые слова: Пензенская область в 1960–1970-х гг.; политическая элита; региональная идентичность; символическая политика; историческая память; краеведение.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015>.

Цитирование. Сухова О.А. Коммеморация в управленческих практиках советской элиты в 1960–1970-х гг. (на примере Пензенской области) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 3. С. 51–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-51-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сухова О.А., 2023

Ольга Александровна Сухова – доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета, Педагогический институт имени В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023
Revised: 25.05.2023
Accepted: 25.08.2023

**Commemoration in the management practices of the Soviet elite
in 1960–1970-ies (on the example of the Penza region)**

O.A. Sukhova

Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: savtemp@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): S-4085-2016.
Scopus ID: 57193094045. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-736X>

Abstract: The aim of the study is to analyze the practices of commemoration and memorial culture in the Penza region in the 1960–1970-ies. The issues of periodization of development of memorial culture and historical politics, the content of collective memories, transformation of social reflection, forms and means of commemoration are considered. An assessment is made of the possibility of using the methodological tools of the «new political history» at the regional and local levels of problem development. The high source potential of materials of personal origin in the study of commemorative content in narratives, symbols and signs is noted. In the course of the analysis of historiography of

the problem, a pluralism of value judgments regarding the «instrumentality» of Soviet historical policy was revealed. Conclusions are drawn about the need for an objective analysis of national specifics, including in relation to the memory of the past, in the search for universal content in the structures of memorial culture. The evolution of functionality and content of historical politics in the 1960–1970-ies is traced: the general trend of the process is the decline in interest in the symbolic practices of the revolutionary era and the establishment of a new «organizing» idea as a manifestation of social demand for solidarity and common identity. The memory of the victims of the struggle for Soviet power as a tool of legitimization is giving way to socially significant experiences (memory of the Great Patriotic War) and the idea of restoring the unity of memory, a tolerant attitude towards the past as a whole, which united both the imperial and Soviet heritage. The factor of traumatic order is the memory of Stalin. The period under review also saw the institutionalization of the system of socio-political interaction in the field of memorial culture.

Key words: Penza region in the 1960–1970-ies; political elite; regional identity; symbolic politics; historical memory; local history.

Acknowledgements. The research is carried out at the expense by the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-20015; <https://rscf.ru/project/22-18-20015>.

Citation. Sukhova O.A. Commemoration in the management practices of the Soviet elite in the 1960–1970-ies (on the example of the Penza region). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 51–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-51-58>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Sukhova O.A., 2023

Olga A. Sukhova – Doctor of Historical Sciences, professor, dean of the Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute named after V.G. Belinsky, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью решения проблемы формирования национальной и региональной идентичности в условиях роста политической нестабильности, вызовов глобализации и инновационного развития, что увеличивает значение конструирования и деконструирования мемориальной символики [Аникин, Бубнов, Комплеев 2020, с. 114–124]. В поисках средств и инструментария отечественные исследователи обращаются к изучению практик коммеморации и мемориальной культуры, исторического опыта прошлых поколений. Явной доминантой исследовательских предпочтений выступает советское общество второй половины XX века как актор и участник ключевых процессов запоминания и забвения. Разворачивая когнитивную карту, последователи memory studies задают определенные параметры изучения проблемы: периодизация развития мемориальной культуры и исторической политики; содержание коллективных воспоминаний; факторы трансформации социальной рефлексии; формы и средства, практики коммеморации; наконец, их функционал и результативность.

Методология и источники

Исследование выполнено на основе анализа делопроизводственной документации ВС РСФСР, Пензенского областного совета народных депутатов, материалов фонда секретаря Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясникова, источников личного происхождения. Методологический инструментарий базируется на использовании теоретических построений «новой политической истории», ориентирующей на анализ символических конструктов и практик конструирования исторической памяти. В этом контексте политика памяти представлена в общем ряду проявлений символической политики как «совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, т. е. «полити-

ческих сил, заинтересованных в особом понимании прошлого»» и стремящихся доминировать в публичном пространстве посредством исторических нарративов, образов, знаков [Малинова 2019, с. 291–292; Twenty Years After... 2014, p. 4; Forest, Johnson 2011; Heisler 2008].

Более широким звучанием обладают концепты «мемориальная культура» и ее компонент – «культура коммеморации», составляющие предмет изучения для memory studies [Соколова 2020, с. 20]. Мемориальная культура как способ освоения прошлого и ее трансформация на рубеже XX–XXI вв., связанная с глубинной сменой ценностей современного мира, выступает центральным концептом трудов Алейды Ассман [Леонтьева 2017, с. 32]. В своей работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика», выдержавшей в издательстве «Новое литературное обозрение» уже три издания (2014, 2018 и 2023 гг.), Ассман пишет о современности как о «посттравматической эпохе», когда индивидуальные «и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере распознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» [Ассман 2023, с. 12]. Причины происходящего рассматриваются автором в двух аспектах: глобализации памяти и вытекающего из этого «этического поворота в культурной мемориальной практике, где особую роль начинают играть категории признания вины и ответственности» [Ассман 2023, с. 123–124]. Разделяя понятия «мемориальная культура» и «историческая политика», Ассман тем не менее указывает на полемичность признака «инструментализации» прошлого и подчеркивает функции коллективных воспоминаний: помимо обеспечения легитимности, это – формирование идентичности, чувства общности, критичности самооценки (что является стимулом развития)

и возможности забвения [Ассман 2023, с. 300–301].

В последнее время заметен тренд на регионализацию мемориальных исследований, что способствует как наполнению пространства культуры памяти, так и изучению включенности последних в коммеморативные практики (активность и система символической саморегуляции как равные составляющие предметной области) [Красильникова, Вальдман 2020; Шуб 2018].

Формирование института коммеморации в СССР (региональный аспект)

Процессы институционализации политики памяти в Европе и России, закрепление соответствующих норм и практик в целях легитимации социально-политического порядка, интеграции общества, современные исследователи относят к периоду не ранее последней четверти XX в. [Красильникова, Вальдман 2020, с. 49]. На наш взгляд, «бегство» от мемориального опыта предшествующих эпох выглядит демонстративно поспешным. По всей вероятности, мы наблюдаем череду трансформаций культурного кода, в рамках которых изменения охватывают не только настоящее, но и прошлое. Традиционным фактором символической политики выступают победоносные военные кампании, и каждое время предлагает свои инструменты и ритм формирования мемориальной культуры. Более решительные изменения происходят в революционные эпохи: радикальные политические преобразования незамедлительно запускают процессы коммеморации.

Аргументировать подобные выводы позволяет обращение к региональным и локальным аспектам проблемы. В частности, как отмечает Г.В. Любимова, в сельском ландшафте Западной Сибири памятники, посвященные участникам Гражданской войны, появились сразу же после окончания военных действий, тогда как первые обелиски погибшим во время Великой Отечественной войны – спустя двадцать лет в 1965 г. [Любимова 2021, с. 808].

Заметим при этом, что правовая основа революционной трансформации мемориальной культуры была подготовлена декретом СНК «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г., потребовавшего внедрения новой знаковой системы, отражавшей «идеи и чувства революционной трудовой России», уже к первомайским торжествам [Декреты... 1959 с. 96]. Следуя прямым указаниям советского правительства, Пензенский комитет РСДРП(б) и губисполком принимают решение о создании мемориала К. Марксу. 1 мая 1918 г. у бывшего губернаторского дома на Советской площади был размещен поясной портрет теоретика коммунизма работы скульптора Е.В. Равделя (Открытие памятника...). Скульптура была выполнена наспех из глины и не выдержала испытания временем. Попытка установить памятник Марксу к следующей праздничной дате – 7 ноября того же года – успехом не увенчалась. Скульптурное изображение головы Маркса, выполненное из бетона, появилось

17 июня 1920 г. в городе Наровчатке Пензенской губернии. В Пензе памятник Марксу был открыт 5 ноября 1960 г. на Советской площади (Пензенская... 2019, с. 127).

Совершенно иной статус получает коммеморация памяти участников Гражданской войны. Революционный некрополь появился в Пензе после подавления мятежа чешских легионеров (28–29 мая 1918 г.). 2 июня рядом со Спасским собором были похоронены первые жертвы конфликта: около 80 красноармейцев, интернационалистов и случайно оказавшихся на линии огня обывателей (Соборная площадь...). Спустя пять лет здесь будет установлен деревянный обелиск, а 6 ноября 1928 г. – памятник Борцам революции, выполненный скульптором М.С. Бабинским уже в бетоне. Позднее рядом с монументом были захоронены еще 25 участников революции, Гражданской войны и социалистического строительства (Пензенская... 2019, с. 122). Вплоть до конца 1960-х гг. формирование советской мемориальной среды (чествование жертв борьбы за советскую власть) происходило вокруг «главного» места памяти – Соборной (с 1919 г. – Советской) площади.

Механизм коммеморации следует рассматривать ключевым условием формирования идентичности региона. В этом случае базовым нарративом мемориальной культуры будут выступать военные события и конфликты [Соколова 2020, с. 22]. В первую очередь это проявилось в практике переименования населенных пунктов. Так, спустя год с момента образования Пензенской области Указом Президиума ВС РСФСР от 10 февраля 1940 г. за № 629/9 «Об увековечивании памяти Героя Советского Союза А.Е. Махалина» село Новый Кряжим Кузнецкого района Пензенской области, где родился А.Е. Махалин, получило новое название – село Махалино. Именной стала и средняя школа, в которой учился герой. Начальник погранзаставы «Пакшикори» Дальневосточного пограничного округа войск НКВД, лейтенант Алексей Ефимович Махалин 29 июля 1938 г. погиб, прикрывая отход своих бойцов, в бою с японской боевой группировкой, нарушившей границу и окружившей заставу (Документы... Л. 7).

В ознаменование 100-летия со дня смерти В.Г. Белинского город Чембар и Чембарский район были переименованы в Белинский и Белинский район соответственно, тогда же имя критика было присвоено и Пензенскому государственному педагогическому институту (Документы... Л. 28).

Процесс мемориализации затронул и с. Верхнее Аблязово, переименованное в село Радищево Радищевского сельского совета 15 декабря 1952 г. (Указ Президиума ВС РСФСР за № 744/132) (Документы... Л. 56).

В августе 1963 г. с. Селикса Пензенского сельского района было переименовано в село Кижеватово (Указ Президиума ВС РСФСР за № 745/21). Андрей Митрофанович Кижеватов, начальник 9-й погранзаставы Брестского погранотряда 22 июня 1941 г. возглавил оборону погранзаставы, а за

тем Брестской крепости и погиб в начале июля 1941 г. Отметим, что инициатива увековечивания памяти А.М. Кижеватова была поддержана до присвоения ему звания Героя Советского Союза (1965 г.) (Документы... Л. 108).

Мемориальная традиция (советский «обряд») празднования Дня Победы берет свое начало с 9 мая 1970 г., когда был открыт памятный камень на месте будущего монумента на ул. Луначарского, переименованной по этому случаю в проспект Победы. В дневниковых записях Г.В. Мясникова буквально по часам описана смена приоритетов в практиках коммеморации: «9 мая. День праздничный, солнечный. В 10.00 поехал в ГК КПСС. Возложение венков к памятнику Борцам революции на Советской площади. Традиция хорошая, но ее придется отменять. Ничего не связано здесь с Победой. <...> В 10.45 – митинг на площади Ленина. Я поздравил училище с Днем Победы и вручил юбилейную почетную грамоту. Получился своеобразный военный парад на площади. Масса народа. <...>

В 12.30 на быв. ул. Луначарского <...> Торжественно замуровывается снарядная гильза с землей, открывается камень на месте будущего памятника. Все очень торжественно! Опять масса народа: на улице, балконах и даже крышах домов. Прохождение училища торжественным маршем, возложение венков. Получилось хорошо! Надо на будущий год продумать обряд» [Мясников 2008, с. 92]. Значение переноса места памяти тем более ощутимо, что 8 мая на той же Советской площади открыли монумент, посвященный героям Советского Союза и героям Социалистического Труда [Мясников 2008, с. 91].

Примечательно, что к концу 1970-х гг. в сознании партийного функционера уже сложилось представление о периодизации процесса коммеморации. В частности, решая, казалось бы, сугубо управленческую задачу по созданию объединения музеев Пензенской области, Г.В. Мясников предложил, по сути, первую периодизацию эволюции мемориальной политики в советскую эпоху: «I этап: 1937–1939 гг. – создание музеев, сам факт; II этап: все последние пятнадцать лет – материальное и моральное укрепление музеев; III этап – надо начинать. Он должен состоять в том, чтобы превратить музеи в центры научной пропаганды деяний великих земляков» [Мясников 2008, с. 336].

Не менее значимым аспектом проблемы выступает реконструкция содержания коллективных воспоминаний. Так, А. Ассман, ссылаясь на работы М. Саброва, рассматривает динамику западной политической культуры в XX в. как дискурсивный переход от героизации к виктимизации, от идеала героя к идеалу жертвы. Происходит эволюция ценностей революционно-героической семантики, тускнеет образ Французской революции. Новым «учредительным мифом» Европы становится память о Холокосте [Ассман 2016, с. 155–156, 167, 169].

В мемориальных практиках советской «глубинки» 1960-х гг. при сохранении общего тренда

на героизацию прошлого мы также обнаружим первые признаки грядущих изменений: в отечественной традиции это вылилось в формирование нового противоречивого конструкта массовой политической культуры – памяти о Сталине. Новый «миф о Сталине» воспроизведен и в дневнике Г.В. Мясникова: «Стало модным почти в любой компании спорить о И.В. Сталине. Ни один разговор за столом не обходится без его имени. Оно стало “болезнью” народа. Сколько ни думаю, все больше убеждаюсь в его какой-то демонической силе и при жизни, и даже после смерти». В 1969 г. эта идея дважды почти буквально воспроизводится в записях: «Странная манера: как выпили, так о Сталине. Это имя стало болезнью народа. Каким-то демоном висит оно над душами и сознанием людей» [Мясников 2008, с. 53, 75]. Реплики партийного функционера и практики коммеморации свидетельствуют об исчерпании потенциала революционной борьбы, о появлении собственной «исторической травмы», о начале поисков новой «организующей идеи», о сложности выбора. Двойственность, амбивалентность суждений сквозит в оценках Сталина: «Самое острое место – обвинение в безвинной гибели сотни тысяч людей, работников партии, государства» и здесь же: «Простого люда из рабочих погибло мало! – это тоже особенность!!!» [Мясников 2008, с. 53–54]. Этим объясняются сомнения в увековечивании памяти М.Н. Тухачевского, детские годы которого прошли в имении родителей в с. Вражском Чембарского уезда Пензенской губернии, а затем в Пензе, и В.Э. Мейерхольда, родившегося в Пензе в купеческой семье (репрессированных и реабилитированных посмертно в 1957 и 1955 гг.). Во время визита в Пензу маршала М.В. Захарова (24 мая 1970 г.) Мясников напрямую спросил высокопоставленного гостя: «Как быть с Тухачевским?» – и услышал в ответ: «“Все что положено, партия решила”, “Все доски установлены...”». В сентябре 1977 г. в дневнике появилась следующая запись: «О реабилитации М. Тухачевского. Я долго сдерживал этот процесс. Внутренне не верю в эту личность, думаю, что его дворянское прошлое и удачное течение жизни могло породить бонапартистские замашки.... Но, с другой, все и повсюду реабилитированы. Мы не теряем “полководца, героя гражданской войны”? Вчера смотрел литературу, беседовал с чекистами и решил сменить позицию. Попробуем ввести его в круг Пензы». Вскоре мемориальная доска появилась на доме по ул. Московской, 22, где в 1904–1909 гг. жил Тухачевский [Мясников 2008, с. 93, 303–304]. В феврале 1974 г. Мясников безрезультатно пытался обсуждать вопрос о коммеморации Мейерхольда в ЦК и СМ РСФСР: «Объяснил ему [В.М. Стриганову. – Прим. О. С.], что дом, в котором родился Мейерхольд, аварийный, жильцов выселяем, взяли на охрану. Музей [одного] Мейерхольда создавать сложно и не нужно. Ломать дом нельзя – дадим пищу для крика. [Лучше всего] создать театральный музей с мемориальной комнатой» [Мясников 2008, с. 53–54, 282].

Организация краеведческой работы

Знамена исторической политики, в официальном дискурсе своего времени обозначавшейся посредством концепта «краеведческая работа» (Переписка...), разворачивалась в периоды подготовки к юбилейным торжествам. Первой важной вехой в этом отношении выступила организация 300-летнего юбилея г. Пензы. До начала 1960-х гг. датировка времени основания центра региона определялась «Строельной книгой», составленной в 1665 г. первым воеводой города Е.П. Лачиновым. Обнаружение более точной даты его основания – 1663 г. (по времени назначения священников во вновь построенную церковь) – изменило ситуацию. В июне 1963 г. промышленные обком и облисполком обращаются в бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой разрешить официальные торжества, посвященные трехсотлетию Пензы в 1964 г. (благоустройство исторических мест и памятников, беседы и доклады на предприятиях и стройках, учреждениях и по месту жительства, стенды, торжественные вечера, массовые гуляния) (Письмо... Л. 1–6).

Своего максимума усилия региональных властей в направлении формирования мемориальной культуры достигают к концу 1960-х гг. в преддверии 100-летия со дня рождения В.И. Ленина и 25-летия Победы в Великой Отечественной войне. В этом отношении своеобразным мемориальным водоразделом становится 1970 год. В частности, в 1968–1969 гг. в Пензе разворачиваются ремонтно-реставрационные работы, связанные с «историко-революционными событиями и жизнью и деятельностью И.Н. Ульянова» (капитальный ремонт здания, в котором проживали И.Н. и М.А. Ульяновы и организация в нем музея семьи Ульяновых, здания бывшего Дворянского института, где преподавал И.Н. Ульянов, реконструкция планетария, построенного в память о работе Ульянова по организации метеорологической службы в Пензенской губернии, и т. д.), а также капитальный ремонт памятника Борцам революции на Советской площади г. Пензы (Переписка... Л. 1).

На этом этапе уже можно судить и об институциональной зрелости мемориальной культуры и исторической политики, что нашло отражение в дневниковых записях Г.В. Мясникова. Так, 12 мая 1969 г. секретарь пензенского обкома запишет: «В 13.00 собрал историков-краеведов. Мочалов, Лебедев и др. Проблемы увековечивания исторических мест на трассе Москва – Куйбышев. <...> Вырисовывается такая тематика: на въездах в область – карта памятных мест области, на въездах в город – история и памятные места Пензы, у поворота на Вадинск – о Буслаеве, у поворота на Наровчат – о Куприне, у Старой Пятины – о вале и бастионе, история Ломова, в с. Вирга – об академике Юрьеве и враче Захарьине, у Мокшана – история, Суворов и Малышкин, у Рамзая – крепость и М.Н. Загоскин, на Бессоновской горе – о движении Пугачева, в Селиксе – о Кижеватове и героях Великой Отечественной войны, у Городища – о Н. Маркине, у с. Поселки – о Радищеве.

Таков перечень исторических мест, которые могут рассматриваться» [Мясников 2008, с. 60–61].

Масштабные работы охватили территорию мемориального комплекса, связанного с именем М.Ю. Лермонтова. 5 января 1967 г. Пензенский облисполком принимает решение о создании охранной зоны музея-усадьбы М.Ю. Лермонтова общей площадью 91 га. Местному совхозу было предложено прекратить строительство производственных и жилых помещений в непосредственной близости к музею-усадьбе М.Ю. Лермонтова. В 1968–1969 гг. с территории комплекса были перенесены все производственные постройки совхоза (пилорама, столярная мастерская, нефтебаза, электроподстанция и пр.). Одновременно начинаются восстановительные работы в лесопарковой зоне и на территории музея: к 1968 г. завершена реставрация фасада церкви Михаила Архангела, началась реконструкция дома ключника, домовая кухня и теплица. Для обеспечения транспортной доступности комплекса было организовано движение автобусов по маршрутам: Пенза – Белинский (четыре рейса) и Каменка – Белинский (каждые три часа). В летние месяцы число автобусов увеличивалось (Переписка... Л. 3–4, 34). В 1969 г. последовало специальное постановление СМ РСФСР «О мерах по благоустройству государственных музеев М.Ю. Лермонтова и В.Г. Белинского в Пензенской области» (от 30 июня 1969 г. за № 369), что заметно активизировало работы. По решению пензенского облисполкома в состав лермонтовского музея-заповедника были включены: «...бывшая усадьба Е.А. Арсеньевой в границах лермонтовского времени, бывшая усадьба П.П. Шан-Гирея, часовня-могила М.Ю. Лермонтова и мемориальная церковь Михаила Архангела» (Переписка... Л. 34). Были отреставрированы сторожка при церкви, часовня над могилой поэта, восстановлена церковная ограда, бывший дом ключника, где «развернута экспозиция, отражающая старый быт тарханских крестьян»; начались работы по реконструкции и реставрации бывшего дома Е.А. Арсеньевой, по восстановлению всех прудов и водоемов комплекса (Переписка... Л. 34–35).

На базе музея В.Г. Белинского был создан еще один мемориальный комплекс – музей-усадьба, объединивший территорию усадьбы Белинских с домом и надворными постройками, территорию бывшего уездного училища со зданием училища и могилу родителей В.Г. Белинского (Переписка... Л. 34). Кроме того, обращаясь в СМ РСФСР в августе 1970 г. с отчетом о ходе выполнения постановления, заместитель председателя облисполкома А.Н. Власов указал на необходимость восстановления мемориального комплекса единственного в стране музея А.Н. Радищева, находившегося «в бедственном положении» (Переписка... Л. 36). Просьба пензенского облисполкома была поддержана, и сентябре 1970 г. начинается составление проектной документации по усадьбе и церкви в с. Радищеве и Нижне-Аблязове (Переписка... Л. 39).

Символические практики в деятельности Г.В. Мясникова

Уникальным источником в деле изучения мемориальной культуры и практик коммеморации являются дневниковые записи Г.В. Мясникова, второго секретаря Пензенского областного комитета КПСС в 1961–1986 гг. [Мясников 2008]. В должностные обязанности «второго» входило руководство идеологической работой, следовательно, инициативы и реализация политики памяти в регионе исходили именно от него. Следует учесть и «историчность» мировоззренческих установок Георга Васильевича, и весьма опасное (для своего времени) стремление к формированию этнической идентичности: «...основная направленность “интересных” строек – это возрождение русского духа, национального достоинства русского человека»; «Пенза вернула меня в лоно русского народа»; «Думал о нашем изумительном русском народе. Сколько сил, мужества, крепости, выносливости таится в его недрах!» [Мясников 2008, с. 16, 90, 159]. Подобные суждения встречаются на страницах дневника с завидным постоянством. Так, под личным патронажем секретаря обкома Мясникова находилось строительство трактира «Золотой петушок» и ресторана «Засека» («хорошие памятники пензенской старины»), более того, традиции русского имперства противопоставлялись знаковым объектам интернационализма, например открытию «Белого аиста» (фирменного магазина с широким ассортиментом молдавских вин) [Мясников 2008, с. 159, 318].

В структуре повседневных практик партийного работника вопросы коммеморации не просто доминировали, но вытесняли все прочие, за исключением, пожалуй, времени чрезвычайных мобилизационных кампаний, когда запускался режим ручного управления («Все на спасение хлеба!»; «В Москве крайне тяжело с мясом. Грузите все, что можете» в 1969 г.; наводнение в Пензе в 1970 г.; восстание в колонии в 1971 г.) [Мясников 2008, с. 65, 72, 87–90, 106]. Что касается понимания миссии и средств реализации политики памяти, то здесь мы встретим единичные и весьма лаконичные суждения: «Мое устремление: 1) сделать Пензу интересным городом, пробудить у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм. Но одними лозунгами сделать это сложно, нужна материальная основа. Надо иметь то, чем гордиться»; «Отрабатывал мысль о возведении деревянной крепостной стены на ул. Кирова, где сохранился старый вал. Сколько патриотов можно было бы воспитать на простых, близких и понятных, особенно молодежи, свидетелях прошлого»; по случаю открытия мемориальной доски с именами павших работников обкома 8 мая 1970 г.: «Это нужно и для памяти, и как пример другим» [Мясников 2008, с. 90, 92, 159].

Еще одним значимым проектом преобразования городского ландшафта в деятельности Г.В. Мясникова стало создание терренкура – Тропы здоровья, история которого начинается 6 сентября

1969 г. [Мясников 2008, с. 70]. Спустя десятилетие в планах второго секретаря обкома, курировавшего вопросы идеологии в регионе, значилось объединение объектов, символизировавших историческую преемственность и транслировавших «русскую идею» в единое культурное пространство: «Надо выбрать на весну и лето (1979 г.) несколько объектов, которые обогатят город. Одна из главных и интересных – туристская тропа в парке им. Белинского. Надо уже в этом году дотянуть асфальт до видовой площадки, а зеленой дорожкой дойти до “Ласточки”, а может и лесного массива у “Засеки”». Разбить тропу по организациям и создать укромные уголки с благоустройством и скульптурой» (в арт-объектах прослеживается отсылка к русской народной сказке и былинному эпосу) [Мясников 2008, с. 347]. К началу 1980-х гг. эти планы были реализованы лишь частично. Так и не удалось использовать особенности ландшафта и создать каскад озер, островков, плотин и мостов по ул. Боевой горе [Мясников 2008, с. 195; Шилин 2022, с. 52–62].

Оценить эффективность мемориальной политики позволяет обращение к описанию взаимодействия ее субъектов в период «всенародного обсуждения» проекта Конституции СССР. Сотрудники облисполкома тщательно фиксировали ответные меры, поступившие на предложения трудящихся, и в качестве самостоятельного направления работы было выделено улучшение охраны и пропаганды памятников истории и культуры (в рамках смотра «памятников истории советского общества, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции»). В отчетах управления культуры говорилось, что в 1978 г. «работа по выявлению, пропаганде и использованию памятников истории и культуры на территории области как государственными органами охраны памятников, так и общественными (в том числе молодежными) организациями» будет продолжена, предполагалось «установить шефство комсомольских и пионерских организаций над историческими памятниками, ответственность каждого гражданина, и в первую очередь советов народных депутатов, за сохранность памятников истории и культуры» (Материалы... Л. 21–22, 39).

Изучая эпистолярное наследие перестроечной эпохи, С.С. Наумов отмечает «пробуждение активного интереса людей к старине и деятельности по сохранению и возрождению историко-культурного наследия» как свидетельство трансформации коллективной памяти применительно к периоду 1980–1990-х гг. [Наумов 2020, с. 61]. Вместе с тем, как следует из материалов «всенародного обсуждения», подобные идеи были широко представлены в обществе и ранее и, более того, обнаруживали поддержку со стороны властей. Сохранение установки в массовом сознании на сбережение памяти об истории своей семьи и своей малой родины выявлено и в ходе онлайн-анкетирования, проведенного среди населения Пензенской области с мая по ноябрь 2022 г. и охватившего свыше 1000 человек.

Заключение

В предписанных временем формах коммуникации партийных структур коммеморация была представлена как инструмент «мобилизации трудящихся города на претворение в жизнь решений XXII съезда партии, ноябрьского и июньского Пленумов ЦК КПСС» и т. д. (Письмо... Л. 6). Современные исследователи выделяют аксиологическую и интегративную функции. Так, по мнению О.М. Соколовой, переживание общего прошлого играет важную роль в создании и поддержании социальной солидарности и общей идентичности

[Соколова 2020, с. 21]. В этой связи, объективно оценивая коммеморативные практики советской региональной элиты в 1960–1970-е гг., следует заметить, что по большому счету «управление» мемориальной культурой не противоречило социальному запросу. Более того, политика памяти формально и содержательно эволюционировала, революционная символика постепенно растущевывалась, смещалась на периферию мемориальных практик, уступая место социально значимым переживаниям и идее восстановления единства памяти, апеллируя к историческим корням.

Материалы исследования

Документы... – *Документы* об образовании в составе РСФСР Пензенской области и изменениях в административно-территориальном делении и составе области (копии указов и постановлений, акты, записки, переписка и др.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ВС РСФСР. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 78.

Материалы... – *Материалы* о выполнении предложений, высказываний при обсуждении Конституции СССР (решения, приказы, информация, справки) // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6877.

Открытие памятника... – *Открытие памятника* К. Марксу на Соборной площади. 1 мая 1918 г. [Фото] // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 374.

Пензенская... 2019 – *Пензенская энциклопедия*: в 2 т. 2-е изд., уточн. и доп. / гл. ред. А.Ю. Казаков. Пенза: б/и, 2019. Т. 2. Н – Я. 812 с.

Переписка... – *Переписка* с вышестоящими партийными и советскими органами о развитии в области краеведческой работы за 1968–1970 гг. // ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 5131.

Письмо... – *Письмо* Пензенского промышленного обкома КПСС и облисполкома в бюро ЦК КПСС по РСФСР от 15 июня 1963 г. о 300-летию г. Пензы // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 5.

Соборная площадь... – *Соборная площадь*. Похороны жертв белочешского мятежа. 1 июня 1918 г. [Фото] // ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 376.

Библиографический список

Forest, Johnson 2011 – *Forest B., Johnson J.* Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27, issue 3. P. 269–288. DOI: <http://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>.

Heisler 2008 – *Heisler M.O.* Introduction: The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617, issue 1. P. 14–24. DOI: <http://doi.org/10.1177/0002716208315024>.

Twenty Years After... 2014 – *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. By M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. 362 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=Ol6yAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Аникин, Бубнов, Комплеев 2020 – *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю., Комплеев А.В.* Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2020. № 1 (53). С. 114–124. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-1-9>.

Ассман 2016 – *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: https://vk.com/wall-29115409_293822?ysclid=ll3co8g4nc337017924.

Ассман 2023 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 3 изд. 328 с. URL: <https://tocit.ru/static/files/149eaf2013025b89d66c0734b63f8cbbbed3cd51f64006ae636e2c0336af87124.pdf>.

Декреты... 1959 – *Декреты* советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Политиздат, 1959. 698 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065>.

Красильникова, Вальдман 2020 – *Красильникова Е.И., Вальдман И.А.* Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/nfkbqf>.

Леонтьева 2017 – *Леонтьева О.Б.* Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. С. 31–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32698867>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzvyu>.

Любимова 2021 – *Любимова Г.В.* Культурные и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2021. Т. 27. С. 806–811. DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>. EDN: <https://elibrary.ru/yfjnse>.

Малинова 2019 – Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // *Метод*. 2019. № 9. С. 285–312. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki/viewer>.

Мясников 2008 – Мясников Г. Страницы из дневника (1964–1992) / под ред. М.Г. Мясникова, М.С. Полубоярлова. Москва: б/и, 2008. 775 с. URL: <https://dl.liblermont.ru/DL/Poluboyarov/Myasnikov.pdf/info>.

Наумов 2020 – Наумов С.С. Эпистолярное наследие как источник по изучению проблем трансформации коллективной памяти // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26, № 1. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ojjsad>.

Соколова 2020 – Соколова О.М. Культура коммеморации в контексте мемориальных исследований XX – начала XXI в. // *Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств*. 2020. № 1 (35). С. 17–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42973679>. EDN: <https://elibrary.ru/pxoqhq>.

Шилин 2022 – Шилин А. «Там, на неведомых дорожках...» // *Культура провинции*. 2022. № 4 (26). С. 52–62. URL: <https://culture-province.ru/news/tam-na-nevedomyh-dorozhkah>.

Шуб 2018 – Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15, № 2. С. 161–169. DOI: <http://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/xnsatr>.

References

Forest, Johnson 2011 – Forest B., Johnson J. (2011) Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States. *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, issue 3, pp. 269–288. DOI: <http://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>.

Heisler 2008 – Heisler M.O. (2008) Introduction: The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 617, issue 1, pp. 14–24. DOI: <http://doi.org/10.1177/0002716208315024>.

Twenty Years After... 2014 – Bernhard M., Kubik J. (Eds.) (2014) *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 362 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=Ol6yAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Anikin, Bubnov, Kompleev 2020 – Anikin D.A., Bubnov A.Yu., Kompleev A.V. (2020) Russian Historical Society as an Actor of Symbolic Policy: Institutional Features and Memorial Risks. *University proceedings. Volga region. Humanities*, no. 1 (53), pp. 114–124. DOI: <http://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-1-9>. (In Russ.)

Assman 2016 – Assman A. (2016) New dissatisfaction with memorial culture. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 232 p. Available at: https://vk.com/wall-29115409_293822?ysclid=ll3co8g4nc337017924. (In Russ.)

Assman 2023 – Assman A. (2023) The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3rd edition, 328 p. Available at: <https://tocit.ru/static/files/149eaf2013025b89d66c0734b63f8cbbcd3cd51f64006ae636e2c0336af87124.pdf>. (In Russ.)

Decrees ... 1959 – *Decrees of the Soviet government*. Vol. II. March 17 – July 10, 1918. Moscow: Politizdat, 698 p. Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065>. (In Russ.)

Krasilnikova, Valdman 2020 – Krasilnikova E.I., Valdman I.A. (2020) Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the region (Siberia of the XX – early XXI centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/nfkbfq>. (In Russ.)

Leontyeva 2017 – Leontyeva O.B. (2017) Memory, time, memorial culture in the works by Aleida Assmann. *Historical Expertise*, no. 4, pp. 31–46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32698867>. EDN: <https://elibrary.ru/ytzvyo>. (In Russ.)

Lyubimova 2021 – Lyubimova G.V. (2021) Cult and memorial sites in rural landscapes of Western Siberia: correlation and collective memory issues. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, vol. 27, pp. 806–811. DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811>. EDN: <https://elibrary.ru/yfjnse>. (In Russ.)

Malinova 2019 – Malinova O.Yu. (2019) Politics of memory as a branch of symbolic politics. *Metod*, no. 9, pp. 285–312. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki/viewer>. (In Russ.)

Myasnikov 2008 – Myasnikov G. (2008) Pages from a diary (1964–1992); Myasnikov M.G., Poluboyarova M.S. (Eds.). Moscow, 775 p. Available at: <https://dl.liblermont.ru/DL/Poluboyarov/Myasnikov.pdf/info>. (In Russ.)

Naumov 2020 – Naumov S.S. (2020) Epistolary heritage as a source for studying the problems of transformation of collective memory. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 1, pp. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>. EDN: <https://elibrary.ru/ojjsad>. (In Russ.)

Sokolova 2020 – Sokolova O.M. (2020) Culture of commemoration in the context of memorial researches of the XXTH – beginning of the XXST century. *Bulletin of the Belorussian State University of Culture and Arts*, no. 1 (35), pp. 17–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42973679>. EDN: <https://elibrary.ru/pxoqhq>. (In Russ.)

Shilin 2022 – Shilin A. (2022) “Along Unknown Paths...”. *Kul'tura provintsii*, no. 4 (26), pp. 52–62. Available at: <https://culture-province.ru/news/tam-na-nevedomyh-dorozhkah>. (In Russ.)

Shub 2018 – Shub M.L. (2018) Commemoration Phenomenon: An Experience of Culturological Analysis of Public Commemoration Practices (By the Example of Chelyabinsk Streets Naming). *Observatory of Culture*, vol. 15, no. 2, pp. 161–169. DOI: <http://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/xnsatr>. (In Russ.)